

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

ВИКТОРИЯ

ПЛАТОВА

ОНА УЖЕ

МЕРТВА

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Любое использование данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление – *Александр Шпаков*

Платова, Виктория Евгеньевна.

П37 Она уже мертва : [роман] / Виктория Платова. – Москва : АСТ, 2015. – 511, [1] с.

ISBN 978-5-17-088669-2

Прошлое умеет ждать. И наносить удар в тот самый момент, когда кажется, все худшее уже позади и жизнь обрела ясность и смысл. Прошлое – небезопасно. А в большой семье, чья история окутана мраком и тайной, – небезопасно вдвойне. Тень когда-то совершенного и оставшегося так и не раскрытым преступления, ложится на каждого члена этой семьи.

...В День Убийства они были детьми и теперь, двадцать лет спустя, снова собрались вместе, чтобы попытаться понять: что же произошло на самом деле? Но, случайно открыв ящик с воспоминаниями, взрослые дети уже не в состоянии бороться со злом, которое сидит в каждом из них.

Удастся ли что-то противопоставить ему? Удастся ли спастись?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088669-2

© Платова В.Е.
© ООО «Издательство АСТ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕТИ

Август. Белка

...Ждали Сережу.

Он должен был прилететь еще вчера, но вместо Симферополя оказался в Люцерне. О чем и сообщил Лёке — единственному счастливому обладателю номера его мобильного. Прежде чем ответить на звонок, Лёка долго шевелил губами, считывая имя с дисплея, затем покраснел, вспыхнул и приложил палец к губам.

— Это Сережа! — торжественно произнес он.

Если бы он сказал: «Минуточку, нам звонит Бог», никто бы не удивился. Сережа и есть бог их многочисленного, бестолкового, разросшегося вкривь и вкось семейства. А с самым настоящим Богом его роднит частота упоминаний в прессе. И еще то, что его никто и никогда не видел живьем последние двадцать лет. Двадцать два, если быть совсем точным. Ровно столько времени прошло с тех пор, как они собрались здесь в последний раз — в то страшное лето, ознаменовавшееся одним исчезновением и одной таинственной смертью.

Никто не любит вспоминать о том лете.

Нет, не так. Все просто вычеркнули его из памяти, вовремя остановились у черты, за которой снова появляется этот запах — затхлого песка, мертвых дафний и полуразложившихся водорослей. В них когда-то нашли...

Не произносить имени.

«Да» и «нет» не говорить, черное и белое не носить — как в главной игре того лета. В нее играли младшие дети, но изредка присоединялись и старшие, и тогда все становилось намного интереснее. Для Белки, во всяком случае. Белка не была самой младшей, но и старшие, с их первыми тайнами и влюбленностями, обходили ее стороной. В то лето ей исполнилось одиннадцать, самый никудышный возраст. Самый уязвимый: вечно надутые губы, одиночество среди стрекоз, взрослая книжка, небрежно брошенная на веранде, *кто тут у нас читает «Идиота»?*

Этот вопрос задал Сережа.

В три часа тридцать минут пополудни, о чем засвидетельствовал бой часов в гостиной. Вопрос как раз и совпал с боем часов, оттого и получилось грозное: «Кто тут у нас читает «Идиота», бо-ом бо-ом?» И Белка сразу поняла, что перед ней — бог. На десять лет раньше всех остальных.

Бог держал в руках кроссовки, за плечами у него болтался рюкзак, а в волосах застрял кузнечик. Белка сосредоточилась на кузнечике и хмуро произнесла:

— Я.

— Ясно. Давай знакомиться. Я — Сережа.

— А я... — тут Белка назвала свое настоящее имя.

— Да? — бог почесал переносицу. — Вообще не очень-то похоже.

— Это еще почему?

— Потому.

В три тридцать пополудни Белка еще не знала, что безапелляционное «потому» — любимое Сережино слово. Исключающее долгие и нудные пояснения.

— Буду звать тебя Белкой, — кузнечик оттолкнулся от жестких, как проволока, волос Сережи и шлепнулся на ляжку рюкзака. — Возражения не принимаются.

Белка и не думала возражать. Ей понравилось новое имя, а еще больше понравился Сережа и то, что он сделал потом. Осторожно снял кузнечика с лямки и положил на раскрытую ладонь. Тот, подобно Белке, тоже не возражал, сидел на ладони смиренхонько, расставив длинные ноги. Сережа тихонько дунул на него, и кузнечик... исчез! Растворился в стеклянном жарком воздухе, как будто его и не было. Белка смотрела на пустую Сережину ладонь, словно зачарованная. А потом спросила:

— Это такой фокус, да?

— Ни разу не фокус, — засмеялся Сережа.

— Ты повелитель кузнечиков?

— Не только.

— Всего-всего?

— Можно сказать и так, —

совершенно непонятно, шутит ли бог или говорит правду. Наверное, говорит правду, потому что боги не лгут. А если и лгут — то кому-то более значимому, чем маленькая девочка, застрявшая на тридцать пятой странице романа «Идиот». Например — бабушке.

Белка боится бабушку. Бабушка — строгая, молчаливая, скупая на ласку. Рук у нее явно больше, чем две, но сколько именно — разглядеть не удастся. Всем этим

рукам находится применение в хозяйстве, но Белка ни разу не видела, чтобы они гладили кого-то по голове. Стегали тонким жестким прутом — *лозиной* — это да. Не далее чем два дня назад Белке тоже досталось, воспоминания о лозине и сейчас вызывают в ней приступ бессильной ярости. Вот если бы бабушка исчезла от дуновения — как кузнечик! Нет, Белка вовсе не кроважидная и не хочет, чтобы бабушка испарилась навсегда. Но двух-трех дней было бы вполне достаточно. За это время тонкие фиолетовые полосы на икрах побледнеют и ярость пройдет. И — оп-ля! — бабушка снова может возвращаться к своей многорукой хозяйственной деятельности.

— Если я тебя попрошу.. Раз уж ты повелитель всего-всего... Можешь сделать так, чтобы исчез один человек?

— Смотря что за человек, — теперь Сережа выглядит серьезным и даже озабоченным просьбой Белки.

— Э-э...

— Только не говори, что это — Парвати.

— Кто такая Парвати?

Следить за передвижениями бога — невозможно. Только что он был в трех метрах от Белки, а теперь оказался совсем рядом. Навис как скала. Это — не простая скала, а скала с маленьким водопадом; она увита уютным диким плющом, и если напрячь зрение, то можно разглядеть в зелени крошечных ящериц, крошечных птичек и таких же крошечных лемуруров. В толстой книжке «Идиот» о лемурах не сказано ни слова, просто эти зверьки ужасно нравятся Белке.

Именно так — ужасно.

Применительно к Сереже это звучало бы — уу-жжжжа-аа-сссс-но!

Больше всего Белке хочется остаться в тени скалы — вот где ее ждет спасение от палящего южного солнца, такого же многорукого, как и бабушка.

— Ты не знаешь, кто такая Парвати? — шепчут ей на ухо прохладные струи водопада.

— Не-а.

— Наша бабушка.

Как есть — бог! Ну кто бы еще догадался о нехороших мыслях, что роятся в голове Белки? Застигнутая врасплох, она краснеет, из глаз вот-вот брызнут слезы, летний день померк в одночасье. И только в Сережиных силах вернуть свет. Но он не торопится, лишь внимательно обшаривает глазами Белкино лицо. В жизни своей она не видела таких удивительных глаз, их цвет меняется ежесекундно: сначала они показались Белке светло-карими, а теперь они — зеленые, как исчезнувший кузнечик. Уж не там ли он сейчас обитает, кузнечик?..

— Есть проблемы? — Сережа подмигивает Белке.

— Не-а.

— Врешь, — это сказано без всякого укора, напротив — с пониманием и даже одобрением.

— Я никогда не вру.

— Так не бывает, чтобы никогда.

— А вот и бывает.

— Ловлю тебя на слове.

— Зачем? — искренне удивляется и без того пойманная в силки Сережиного обаяния Белка.

— Затем, что рано или поздно наступит такой момент, когда нужно будет сказать правду. Какой бы горькой или страшной она ни была. Врунишки попытаются отвертеться, тогда и наступит твой звездный час. Звездный час правдивого человека.

Правдивому человеку по имени Белка трудно понять, что имеет в виду бог по имени Сережа. О какой горькой и тем более страшной правде идет речь?..

— Ладно, проехали.

— Проехали, — трясет головой Белка.

— Без остановок.

Отличная идея — ехать куда-то без остановок, тем более — с Сережей! Несколько секунд Белка выбирает между воображаемым поездом и воображаемым трамваем, склоняясь в пользу последнего. Она не любит поезда: поезда — неуклюжие и длинные, как змеи. Они дурно пахнут, кашляют и, утробно урча, переваривают людей в своих железных желудках. Не далее как две недели назад, Белка увидела это воочию. Перрон Витебского вокзала был полон стариков, детей и взрослых, и все они — за небольшим исключением — казались ей красивыми. Особенно — собаки (Белка любит собак!), в их с Машей-Мишей вагон загрузились сразу три: такса, щенок добермана и веселая трехцветная дворняга. Маша-Миша — Белкины *кузены*, так называет их мама. Белка же сократила кузенов до Маш-Миш, лучше было этого не делать! От МашМиш рукой подать до кишмиша, который она терпеть не может. И вечно выковыривает его из покупных ванильных булочек. МашМиш так просто не выковыряешь, у них — хватка. Что подразумевает под словом «хватка» мама — Белке неизвестно. МашМиш никого особенно не хватают, держатся почтительно, как и положено провинциалам. Они живут в городе Саранске, в Ленинград приехали впервые — всего лишь на несколько дней; Ленинград — не конечная точка их путешествия, а начальная. Здесь они прихватят Белку и все втроем отправятся на юг, к бабушке. Так решили после бес-

конечных телефонных переговоров по межгороду отец Белки и мама МашМиша. За Белку в такой солидной компании можно не волноваться, МашМишу не так давно стукнуло шестнадцать, они — взрослые.

И они — двойняшки.

Почти близнецы.

Почти, потому что МашМиш не могут, как это принято у близнецов, смотреться друг в друга, как в зеркало. Во-первых, Маш — девушка, а Миш — парень. Во-вторых, у Маш — черные как смоль волосы, а Миш — блондин. Маш — резкая и порывистая, а Миш — самый настоящий увалень, к тому же он на голову выше сестры. Но это ровным счетом ничего не значит, Маш вертит братом, как хочет. Белка подозревает, что не только братом.

Маш — красивая, но эта красота совсем иного свойства, чем простодушная привлекательность таксы, щенка добермана и трехцветной дворняги. В красоте Маш скрыт какой-то подвох, хотя объяснить, в чем именно он состоит, Белка не может. Ей остается лишь наблюдать, как Маш орудует своей красотой, наносит удары окружающему миру и все они попадают точно в цель. Места им достались не самые удачные: плацкарт, последнее купе рядом с туалетом, плюс верхняя боковая полка по соседству. Но и десяти минут не прошло, как *кузены* оказались в центре вагона, с двумя нижними полками в активе. Что сделала Маш?

Всего лишь улыбнулась — сначала проводнику, а потом вислоусому кавказцу и дядьке с огромным животом и такой же огромной лысиной. Лезвие этой улыбки сразило всех троих наповал, и огромный живот и кавказские усы отправились куковать у туалета. К ним присоединился студентик, выкинутый проводником с

места, которое теперь занимает Белка. Больше она их не видела, а если и видела, то не узнала. Все мувиной неустанной пищеварительной процессу в недрах поезда-змеи: змея всасывает чистых и опрятных людей, а уже через несколько часов от чистоты и опрятности и следа не остается. Все выглядят унылыми, помятыми, как будто вывернутыми наизнанку. Все липнут друг к другу, как монпансье в жестяной коробке, запах пота смешивается с запахом жареной курицы; такса поскуливает, ей вторит дворняга, и лишь щенок добермана кажется довольным жизнью.

Он, да еще Маш.

В отличие от взмокшего, хватающего спертый воздух ртом Миша, Маш чувствует себя прекрасно. От нее веет прохладой, но Белке почему-то приходит на ум, что это — никакая не прохлада.

Сквозняк.

А мама строго-настрого запретила Белке торчать на сквозняках, может быть, поэтому ее отношения с Маш не задалась с самого начала. Что странно, ведь она ждала приезда МашМиша, как только может ждать одиннадцатилетняя девочка. МашМиш даже трижды приснились ей — прекрасные, как морские звезды. Во сне они протягивали Белке руки-лучи, беззвучно смеялись, приоткрыв створки ртов: там были спрятаны жемчужины взрослых тайн, которыми МашМиш просто обязаны с ней поделиться. Ведь именно для этого существуют старшие братья и сестры, пусть даже двоюродные. Но в жизни все вышло гораздо прозаичнее, хотя рот Маш и впрямь напомнил Белке кладбище отборного жемчуга. Зубы Миша — вовсе не такие ровные и блестящие, он явно не дотягивает до сестры.

Никто не дотягивает до Маш, всех сдувает безжалостным сквозняком.

— Значит так, — заявила Маш, едва они обустроились на своих новых местах. — Слушаться меня беспрекословно. И не вздумай капризничать и качать права.

— Иначе? — протянула Белка.

— Иначе — расстрел, — Миш свесил с верхней полки лохматую голову и подмигнул девочке.

— Шутка, да?

— Нет, — ответила Маш вместо брата.

И Белка сразу поверила в невероятное: Маш может пристрелить ее за малейшую оплошность. Вряд ли она сделает это сама, у нее и пистолета-то нет. Но пистолет найдется у кого-нибудь еще, и этот кто-то обязательно пустит его в ход, загипнотизированный улыбкой Маш. И ни одна живая душа не вспомнит о маленькой Белке, не пожалеет ее. Никому она не нужна, кроме мамы и папы. Но они остались в Ленинграде, на перроне Витебского вокзала: на их плечи улеглось предвечернее солнце, — не потому, что устало и ему пора отправляться на покой, а потому.. что оно тоже ищет защиты от Маш и ее острей, как нож, улыбки.

Вспомнив о родителях, Белка шмыгнула носом. В горле у нее запершило, а из глаз выкатились две аккуратные слезинки. Маш взглянула на них с презрением и даже какой-то гадливостью, как будто это были вовсе не слезы, а парочка угрюмых и неприятных на вид пауков-землекопов. *Атипичные тарантулы* — так называет их папа, о, у Белки непростой папа! Он — ученый, специалист по паукообразным. Раннее детство Белка провела в Туркмении, в пустыне Каракумы, затем была пустыня Кызылкум с самыми что ни на есть

типичными тарантулами. А потом они вернулись в Ленинград, где Белку ждал первый класс средней школы. А теперь, спустя четыре года, еще и расстрел на месте — в железном пищеводе поезда-змеи.

— За дурацкие слезы тоже полагается пуля в лоб, — заявила Маш, и *атипичные тарантулы* тотчас испарились, не достигнув подбородка.

— Усекла? — поддержал сестру Миш.

Белка кивнула головой и забилась в самый дальний угол, прижав к животу тощую вагонную подушку. Кажется, так она и просидела все два дня (ровно столько заняла дорога), исподтишка наблюдая за Маш и вынашивая планы мести жестокосердной кузине. Главным орудием будущей мести были, конечно же, горячо любимые папины пауки: птицееды, каракурты, бокоходы и кругопряды. А также примкнувшие к ним *не совсем пауки* — фаланги и скорпионы. Не все из них ядовиты, но устрашающе выглядит любой. Мама, к примеру, так и не смогла привыкнуть к папиным подопечным и вздрагивает, стоит лишь самому безобидному пауку появиться в поле ее зрения. А ведь мамина специальность гораздо более серьезна, чем даже папина, она — серпентолог.

Специалист по змеям, кандидат наук.

Конечно, змеи в борьбе с Маш были бы куда как предпочтительнее, но... С ними одна морока! Они слишком большие, чтобы воспользоваться ими незаметно, слишком непредсказуемые. А по ядовитости ни один паук с ними не сравнится, разве что каракурт и его грозная самка — «черная вдова». «Черная вдова» — папина любимица, он не устает восхищаться ей и утверждает, что ее яд в пятнадцать раз опаснее, чем яд гремучей змеи.

Наличие «черной вдовы» не помешало бы. Белка так и видит эту чудесную, единственную в своем роде, картину: парализованная ужасом Маш корчится в муках, и никто, никто не приходит ей на помощь. Даже Миш, от которого в принципе нет никакого проку. Он лишь оруженосец. Или, лучше сказать, ножны; именно в них Маш сует свою улыбку, когда устает от нее. Лохматый увалень Миш — бледная тень сестры, а тень не способна принимать самостоятельные решения. Это понимает даже одиннадцатилетняя Белка. Она не даст кухне умереть. Все, что ей нужно, — увидеть, как Маш перестала быть божеством.

Низвержение божества происходит лишь в сознании Белки. А в остальном ничего не меняется, Маш — по-прежнему предмет поклонения всей мужской части вагона. Даже щенок добермана благоволит ей, что совсем уж не лезет ни в какие ворота. Собаки чуют плохих людей — так всегда утверждал папа. Наверное, где-то он ошибся. Что-то недоучил на своем биофаке, увлекшись паукообразными.

Маш — богиня-разрушительница.

Но теперь у нее появился противовес — добрый бог Сережа. И он главнее Маш, это несомненно. Сереже ничего не стоит оседлать трамвай и вместе с Белкой отправиться на нем без остановок. Куда? Белке все равно. Их волосы полощутся на ветру (в трамвае открыты все окна), сплетаются друг с другом, и лемуры, маленькие птички и крошечные ящерицы свободно скачут по ним, как по лианам в тропическом лесу. И улыбка Сережи совсем не такая, как у Маш, — она не похожа на нож или на опасную бритву, а... На что она похожа?

На все то, что Белка любит больше всего: эскимо «Ленинградское», овсяное печенье, подоконник в